

П. С. Куприянов

ORCID: 0000-0001-9856-3159

✉ kuprianov-ps@yandex.ru

Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, Москва)

ПОЙМАТЬ ПАМЯТЬ: УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ ФОРМАТЕ

Рецензия на:

- Опарин Д., Акимов А. Истории московских домов, рассказанные их жителями. — М.: Эксмо, 2017. — 320 с.: ил.
- Галкина Ю., Косьмин М., Акимов А. Истории домов Петербурга, рассказанные их жителями. — М.: Эксмо, 2020. — 432 с.: ил.

Для цитирования: Куприянов П. С. Поймать память: устные воспоминания в краеведческом формате // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 293–302. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-293-302>.

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

*Рецензия поступила в редакцию 12 сентября 2020 г.
Принято к печати 1 октября 2020 г.*

P. S. Kupriyanov

ORCID: 0000-0001-9856-3159

✉ kuprianov-ps@yandex.ru

Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

CATCHING MEMORY: ORAL RECOLLECTIONS IN A LOCAL HISTORY FRAME

A review of:

- Oparin, D., & Akimov, A. (2017). *Istorii moskovskikh domov, rasskazannye ikh zhiteliami* [The history of Moscow houses, told by their residents]. Eksmo. 320 p. (In Russian).
- Galkina, Iu., Kos'min, M., & Akimov, A. (2020). *Istorii domov Peterburga, rasskazannye ikh zhiteliami* [The history of Petersburg houses, told by their residents]. Eksmo. 432 p. (In Russian).

To cite this review: Kupriyanov, P. S. (2021). Catching memory: Oral recollections in a local history frame. *Shagi / Steps*, 7(1), 293–302. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-293-302>. (In Russian).

Acknowledgements. The research was supported by RSF, project No. 19-78-10076.

Received September 12, 2020

Accepted October 1, 2020

Предваряя следующий текст, надо заметить, что он не является рецензией в строгом смысле слова, а скорее относится к более свободному жанру «размышления над книгой». Отчасти это объясняется тем, что рассматриваемые сочинения — не научные исследования, а популярные краеведческие издания (хоть и со значительной исследовательской составляющей). А отчасти — тем, что речь пойдет не о книгах в целом, а лишь об одном отдельном аспекте: работе с памятью.

Однако начать все равно следует с представления разбираемых книг. Первая из них, посвященная московским домам, — результат многолетнего творческого сотрудничества антрополога Дмитрия Опарина и фотографа Антона Акимова — вышла в самом конце 2016 г., получила широкий резонанс и завоевала большую популярность у читателей. Спустя три года успешный опыт был повторен на материале Санкт-Петербурга: новая книга, где фотографом выступил тот же Антон Акимов, а авторами текстов — журналистка Юлия Галкина и краевед Михаил Косьмин, воспроизводит не только общую идею, но и концепцию, и структуру, и дизайн предыдущего издания. (Так что теперь можно уверенно говорить о (мини-)серии, тем более что уже сейчас началась работа над следующей книгой, на этот раз о Тбилиси.)

И та и другая книги состоят из 25 глав, каждая из которых посвящена какому-то одному дому. Главы не имеют единой структуры, но везде текст разбит на разделы, в которых рассказывается об архитекторе и архитектуре дома, его владельцах и жильцах, об отдельных квартирах и занимавших их семьях, о связанных с домом событиях и людях. В одних случаях большее внимание уделяется дореволюционной эпохе, в других — советскому времени. Информация излагается несистематически, в свободном очерковом стиле, на основе разнородных источников — с одной стороны, адресных, домовых книг и описей, а с другой — личных материалов самих жильцов, в том числе дневников, писем и воспоминаний. Такой состав источников базы отражается на повествовании: подробные и зачастую довольно длинные перечисления семей и людей, проживавших в доме в разные годы, сменяются лирическими зарисовками и эпизодами из личных и семейных историй. В обеих книгах основная часть дополняется схемой города с обозначением описываемых домов, а также коротким вступлением, содержащим важные замечания о концепции издания. Первая книга завершается описанием некоторых типовых элементов интерьера доходного дома и краткой характеристикой использованных источников.

Характерной чертой обоих изданий является значимость визуального компонента. Дело не только в беспрецедентном обилии изображений (фотографии размещены практически на каждом развороте и часто занимают большую его часть, что дает основания говорить о книгах как об альбомах [Сафонова 2016]), но и в том, что они несут смысловую нагрузку, а не просто иллюстрируют текст. И черно-белые архивные кадры, и современные цветные фотографии работают на концепцию книг наряду (если не наравне) с текстом. Об этом можно судить уже по обложкам¹: в обоих случаях на них представлен фрагмент входной квартирной двери таким крупным планом, который детально передает фактуру поверхности (со всеми мельчайшими трещинами, пятнами и потертостями), тем самым представляя обычную дверь как вещь с историей, обладающую своим узнаваемым обаянием. Такое изображение задает особый оптический (а отчасти и эмоциональный) ретро- и макрорежим, настроенный на внимание к прошлому и к деталям привычных интерьеров: за такой дверью (под такой обложкой) читателя ждет множество старых вещей, представленных с любовью и в подробностях. Важным инструментом, обеспечивающим функционирование этого режима, является принципиальное предпочтение аналоговой пленки цифровой матрице; по словам авторов, оно обусловлено стремлением «не просто зафиксировать сохранившееся, но передать атмосферу старой квартиры, старого дома, старой вещи» (I, с. 9)². Оставляя в стороне спорный вопрос о передаче (или все же конструировании) этой самой атмосферы, нельзя не признать, что образный строй и особая лирическая интонация обеих книг в значительной степени определяются именно визуальным рядом.

Формулируя концепцию книги, авторы подчеркивают, что в первую очередь их интересуют не известные дома или люди, а, напротив, «рядовая» городская застройка и «простые» жители (I, с. 8). Однако специфическая особенность рассматриваемых книг, отличающая их от других изданий по истории города, состоит не в выборе объекта, а в особом подходе к его описанию: не «снаружи», а «изнутри», не как архитектурного сооружения или исторического артефакта, а как пространства повседневной жизни, не через документы, а через опыт и память жителей. Этот подход, заявленный в самих названиях книг, с одной стороны, является очевидно новаторским (хотя призывы к замене архитектурного взгляда на город «человеческим» звучат довольно давно), а с другой — отражает антропоцентричный тренд современного краеведения: музеиные экспозиции, городские экскурсии и прочие культурные проекты сегодня все чаще обращаются к частной памяти и дают слово жителям. Разбираемые книги, в особенности «московская» — как одно из первых и довольно влиятельных проявлений этой тенденции, могут служить показательным примером современной работы с частной памятью в краеведческом поле. И в том числе связанных с ней проблем.

¹ Дизайнер обложек обеих книг — Дарья Головешко.

² В ссылках на рецензируемые книги римской цифрой обозначаются издания: I — «Истории московских домов...», II — «Истории домов Петербурга...».

* * *

При первом же знакомстве с книгами становится очевидно, что, вопреки их названиям, рассказы жителей все же не являются главным источником сведений по истории домов — она реконструируется преимущественно на основе письменных документов, архивных и опубликованных. Хотя интервью с жильцами приводятся в каждой главе, занимая в среднем от трети до половины ее объема, они нигде не выступают как самодостаточный или основной текст, а, напротив, всегда дополняют данные, почерпнутые из других источников. Иными словами, и по структуре, и по содержанию книги далеки от сборников городского фольклора или антологий устных воспоминаний — скорее это исторические справочники с нетривиальным наполнением.

Как правило, фрагменты интервью помещены в заключительных частях глав, но также могут располагаться и в середине главы, перемежаясь авторским текстом. Почти все они выделены особым кеглем или шрифтом и набраны в несколько колонок, но так или иначе выступают в одном ряду с прочими документами, становясь, в соответствии с авторской концепцией, еще одним источником по истории дома наравне с адресными книгами, фотографиями, квитанциями, письмами и избирательными бюллетенями. Собственно, именно в этом совмещении и заключается основная методическая находка авторов, и именно оно порождает эмоциональный эффект, прежде хорошо знакомый лишь тем, кто сам проходил этот исследовательский путь, а теперь доступный и читателям: удивление и радость от неожиданного резонанса сухих архивных данных — и живых свидетельств памяти. Это происходит, к примеру, тогда, когда вдруг в рассказе современного жителя дома упоминаются фамилии из домовой книги или имущественной описи столетней давности, а в соседней квартире обнаруживаются потомки владельца дома. Про такие моменты принято говорить, что история оживает, а прошлое пропадает в настоящем, — в этом, несомненно, один из основных нервов обеих книг — и одновременно едва ли не основная их проблема. Все дело в том, что использование памяти для оживления исторических сведений требует весьма существенной ее обработки, при которой она порой заметно преображается. Разные аспекты этого процесса я попытаюсь обозначить далее.

В книгах, о которых идет речь, есть несколько моментов, вызывающих удивление, но при этом довольно устойчивых и очевидно не случайных. Один из них заключается в абсолютной безошибочности приводимых текстов жителей. Каждый, кто хоть раз записывал (а потом транскрибировал) устную беседу, знает, сколько в ней содержится всевозможных «неправильностей»: речевых и смысловых ошибок, оговорок, логических несуразностей, повторов, противоречий и т. п. Если же предметом этой беседы является прошлое, то ко всему вышеперечисленному неизбежно добавляются «ошибки» памяти: переносы, совмещения, хронологическая компрессия. Однако в рассматриваемых книгах воспоминания выглядят почти безупречными. В них нет не только запинок и пауз хэзитации, но и фактических ошибок: никто из вспоминающих ни разу не ошибся ни в датах, ни в местах, ничего не перепутал и не наговорил лишнего, не повторил уже сказанного и не оборвал фразы, наконец, не сказал ничего, что противоречило бы другому информанту / документу / автору. Речь жителей московских и петербургских домов не только грамматически

правильна, но и исторически верна. Очевидно, это результат литературной и содержательной правки: подобно тому, как устная речь здесь скорректирована по стандартам литературной нормы, память — неточная, сбивчивая и противоречивая — исправлена и приведена в соответствие с документальной и достоверной историей.

Можно счесть, что такая правка прагматически оправдана, поскольку она (вслед за литературной) заметно облегчает восприятие текста, однако в конечном счете эта прагматика противоречит исходному замыслу книги, мало что оставляя от самой памяти — фактически лишь отдельные сюжеты. В ходе данной коррекции устная память преобразуется в письменную историю, а точнее, в письменные истории, благодаря чему она органично вписывается в исторический нарратив — за исключением единичных случаев, не без удивления отмечаемых авторами (II, с. 164, 329). Все это указывает на то, что подход авторов строится скорее на исторической, чем на антропологической оптике, в которой субъективное знание о прошлом (память) включается в поле зрения лишь настолько, насколько оно соответствует объективной картине (истории) — все прочие составляющие персонального мемориального ландшафта оставляются «за кадром» как ошибки и искажения или просто как избыточный информационный «шум».

Помимо того, что рассказы жителей безошибочны, они еще и удивительно информативны. В этом смысле они напоминают речь экспертов, носителей специального знания — правильную, содержательную, насыщенную необходимыми подробностями. Такой эффект лишь отчасти объясняется редакторской обработкой текста; во многом он обусловлен специальным отбором рассказчиков: по словам авторов, ими становились не любые жильцы, а, во-первых, старожилы (жившие или живущие в доме на протяжении длительного времени), а во-вторых, те, «кому есть что рассказать»³. Принцип этого отбора обнажает существенную черту авторской оптики: взгляд создателей (а вслед за ними и читателей) книг направлен именно на прошлое, а не на нарративы о нем, на историю дома, а не на ее интерпретацию. Поэтому рассказы жителей являются прежде всего источником сведений о реконструируемой реальности, и именно эти сведения и определяют их значимость, они важны не сами по себе, а как свидетельства о событиях прошлого. Порой рассказчики передают то, что слышали от старших родственников или соседей, но все же большая часть их текста — это персональные нарративы, т. е. рассказы, основанные на личном опыте. Очевидно, именно эта информация имеет наибольший вес; ценно то, что житель видел своими глазами, а не то, как он представляет себе историю дома вообще.

Как бы то ни было, нельзя не признать, что в словах «...рассказанные их жителями» есть известная доля лукавства: она не только в том, что все-таки основу каждой главы составляет исторический (а не мемориальный) нарратив, и не в том, что речь идет не о любых жителях, а лишь об их определенной (относительно узкой) категории, но и в том, что имеются в виду далеко не всякие рассказы. Как известно исследователям устной истории города,

³ Об этом, в частности, говорилось на презентациях книги «История домов Петербурга...» [Буквоед 2019; Молодая гвардия 2020]. По словам авторов, в случае отсутствия подходящих информантов дом не мог быть включен в книгу.

жители могут ничего не знать об истории дома. А могут, наоборот, что-то придумывать и домысливать. Или рассказывать разные «небылицы» и легенды. И, строго говоря, именно это и будет история дома, рассказанная жителями. Но как раз такой «народной» или «наивной» истории в рассматриваемых книгах почти нет; здесь история домов рассказывается исследователями, а жителям отводится роль мемуаристов, чьи воспоминания призваны оживить исторический нарратив, придать объем и глубину создаваемым образам прошлого. Словом, память выступает здесь ценным и востребованным ресурсом, но не самостоятельным объектом презентации, описания или изучения.

За таким утилитарным подходом скрывается распространенное (и часто нерефлексируемое) понимание памяти как автономного хранилища (контейнера, банка данных), в котором многочисленные факты / сведения о прошлом содержатся в неизменном состоянии. Носителем этих данных является вспоминающий (в нашем случае житель дома), а задача исследователя сводится к извлечению из его «мемориального резервуара» необходимой информации (подобно шахтеру в известной метафоре С. Кваде [2003: 14]). Причем это действие мыслится как чисто механическое, никоим образом не влияющее на содержание добываемого «сырья»: ни цели, ни обстоятельства, ни участники процесса здесь не имеют существенного значения. (Поэтому читатель книг так и не узнаёт, когда, как, для чего и насколько охотно, подробно и эмоционально жители рассказали авторам истории своих домов.)

Несостоятельность такого представления давно подтверждается как исследованиями памяти [Нуркова 2000, Кандель 2011], так и опытом практиков, работающих с устными материалами, в том числе с воспоминаниями [Безротров и др., 2001; Садмен и др. 2003, Лоскутова 2003, Абашин и др. 2005, Рождественская 2012]. Современные исследования скорее исходят из динамичного и конструктивистского понимания памяти, подразумевающего, что искомая информация не извлекается из хранилища, а производится непосредственно во время коммуникации, причем всеми ее участниками, а процесс производства во многом зависит от социального, культурного и коммуникационного контекста. Однако, несмотря на критику и дискуссии, прежнее представление остается весьма устойчивым, в особенности за пределами научного поля, в частности в краеведческих практиках. В рассматриваемых книгах оно проявляется довольно наглядно в самых разных моментах. Например, в том, как передаются записанные воспоминания: несмотря на то что эти тексты представляют собой фрагменты интервью, они не содержат никаких следов диалога. Это совершенно монологичные «ответы без вопросов» [Портелли 2003: 47]; интервьюер как будто вообще не участвует в разговоре, он незаметен, «прозрачен».

Более того, в некотором смысле «прозрачным» оказывается и сам вспоминающий. Да, в обеих книгах аккуратно приводятся подробные сведения о каждом рассказчике, начиная от его имени и заканчивая связью с домом, о котором идет речь, однако сами воспоминания часто оказываются деиндивидуализированными, как бы оторванными от человека — такими, которые можно было бы услышать от любого другого. В перспективе текста сам рассказчик не так уж важен: ни его судьба, ни его взгляды, ни пристрастия, ни темперамент, ни политическая позиция, ни социальные характеристики, ни культурный бэкграунд,

ни настроение, ни состояние здоровья. Память существует сама по себе, вне зависимости от носителя, в некотором вакууме, не подверженная никаким воздействиям: ни снаружи, ни изнутри, ни реновации, ни ревматизму. При том, что воспоминания содержат довольно много сведений о прежней жизни информантов, мы почти ничего не узнаём о них *нынешних* — ни как жителях, ни как рассказчиках — в этой ипостаси они не важны и... не видны.

Не видны в том числе и в буквальном смысле: еще одна удивительная черта обеих книг состоит в том, что люди в них есть только на старых снимках. Современные дома и квартиры совершенно безлюдны: среди сотен фотографий мне удалось обнаружить всего две с нынешними жителями (I, с. 172, 205). Характерно, что и на них люди вытесняются или заслоняются деталями интерьера, на которых привычно фокусируется внимание авторов. Вот в глубине комнаты видна человеческая фигура с поднятой рукой, словно призывающая обратить на нее внимание, — однако подпись к фотографии красноречиво игнорирует этот призыв, сообщая лишь о том, что «в квартире Татьяны Левицкой сохранились оригинальные двери» (I, с. 205).

Эта диспропорция в фотоизображениях людей и вещей на старых и современных снимках производит ожидаемый эффект, отделяющий прошлое от настоящего: одно предстает наполненным жизнью, а другое — лишь ее остатками. В некоторой степени он обусловлен все той же авторской оптикой, настроенной на отсевание современности как наименее ценного объекта: «в настоящем мы снимали на камеру прошлое», — пишут сами авторы (I, с. 9).

Как и в других случаях, эта визуальная стратегия отражает общий подход авторов, относящийся также и к текстам. В отличие от конструктивистского понимания памяти, исходящего из того, что любой разговор о прошлом ведется из настоящего и потому несет на себе его следы, в рецензируемых книгах современность последовательно вытесняется из поля зрения, в результате за его пределами оказывается не только вспоминающий человек, но и сам момент появления текста. В парадигме «памяти как хранилища» мемуарист — это не производитель, а носитель памяти, не автор/создатель текста, а его передатчик, так же как само воспоминание — лишь набор сведений, фактов, сюжетов, но не рассказ, имеющий свою структуру, логику и подчиняющийся определенной нарративной стратегии. Что, в какой последовательности и в каком контексте включается в рассказ о прошлом, как связываются между собой разные фрагменты, о чем умалчивает человек и что акцентирует, какие нарративные и культурные матрицы и клише использует в своем рассказе и т. д. — все это остается неразличимым и несущественным для краеведческого взгляда. Словом, момент производства воспоминания не попадает в объектив, и это в значительной степени блокирует восприятие устного сообщения как текста, а не просто как набора информации. Редким исключением из этого правила становятся некоторые воспоминания о блокаде: совпадающие фрагменты в текстах разных людей интерпретируются автором как общие места (II, с. 107, 241) и тем самым заставляют отнести к воспоминанию как к повествованию, регулируемому особыми законами, а не просто как к свидетельству, механически отражающему прошлое. Впрочем, это отношение не распространяется на другие тексты и не меняет авторскую оптику в целом.

* * *

Книги про истории домов соединяют в себе несколько разных качеств, редко встречающихся вместе. С одной стороны, красоту и приятный дизайн. С другой — фундированность и скрупулезную документальность. С третьей — эмоциональность и душевность. Совмещение этих трех составляющих рождает уникальный продукт. Редкую книгу с таким количеством перечней жильцов и ссылок на делопроизводственные документы хочется читать в кресле при свете лампы.

Эти книги одновременно уникальны и типичны. Уникальны тем, что впервые последовательно и подробно представляют дома не как здания, а как жизненные пространства, впервые так наглядно демонстрируют впечатляющую поликультурность обоих городов, наконец, впервые включают в краеведческое издание рассказы жителей в таком объеме. Типичны же они в том, что в самих этих новациях проявляются характерные черты нового краеведения — акцент на повседневности, внимание к деталям, выбор «рядовых» (а не «выдающихся») домов, стремление ввести «в кадр» человека — все это отражает популярную установку на внедрение антропологического измерения в разговор о городе⁴, разделяемую многими современными музеино-краеведческими проектами.

Наконец, эти книги парадоксальным образом работают и на память, и на забвение. С одной стороны, новый ракурс и обращение к частной памяти как к источнику позволяет увидеть описываемые дома с новых, незаметных и как будто недоступных прежде сторон. Каждый из них предстает не просто безмолвным сооружением определенного стиля и эпохи, а точкой пересечения сотен разных судеб, плотным и пестрым узлом из множества нитей, ведущих в разные столетия и разные уголки страны и мира, местом драматических, комических и трагических событий. Словом, введение в оборот новых источников заметно обогащает наши знания о городе и его прошлом и открывает новые горизонты.

С другой стороны, как следует из сказанного выше, устные воспоминания, интегрируемые в исторический нарратив, неизбежно подвергаются существенной трансформации, в результате которой фактически лишаются не только своей устности, нарративности, фольклорности, но и самой мемориальности. От живой, процессуальной и в разных отношениях сложной памяти остается лишь набор сюжетов, интерпретируемых как факты реконструируемой действительности. Все остальное, включая сам процесс вспоминания и самого вспоминающего, выпадает из поля зрения исследователя, оказывается в «слепой зоне» и в этом смысле также предается забвению.

Итак, вопреки всем намерениям и усилиям, попытки поймать индивидуальную память в краеведческий силок оказываются безуспешными. На этом можно было бы поставить точку — и тогда последняя фраза звучала бы как вердикт авторам, «не справившимся с поставленной задачей». Однако, на мой взгляд, проблема здесь не столько в недоработках авторов, сколько в самом предмете. Поэтому справедливее и конструктивнее вместо оценочной точки поставить проблематизирующий вопрос: а насколько в принципе индивиду-

⁴ О том, что в основе книги лежит антропологический подход, упоминал Дмитрий Опарин в интервью [Чернец 2016].

альная память (в виде устных воспоминаний) может быть адекватно представлена в историко-краеведческом формате? И что следует считать адекватным представлением? На настоящий момент, кажется, удачных примеров нет, все схожие проекты сталкиваются с теми же препятствиями, что и наши авторы. Впрочем, количество подобных проектов (в том числе вдохновленных рассмотренными книгами) увеличивается, сама серия книг про дома продолжается, а следовательно, есть надежда и... материал для анализа.

Источники

- Буквоед 2019 — Максим Косьмин и Антон Акимов. Буквоед, 27 декабря 2019 года: [Видеозапись] // Youtube.com. 2019. 27 дек. URL: <https://youtu.be/bKuiwdQvhLg>.
- Молодая гвардия 2020 — А. Акимов, Ю. Галкина, М. Косьмин в «Молодой гвардии» 28.02.2020: [Видеозапись] // Youtube.com. 2020. 28 февр. URL: <https://youtu.be/FA5ZEQNoDhc>.
- Сафонова 2016 — *Сафонова К.* «Истории московских домов, рассказанные их жителями»: Бывшие сотрудники «Большого города» выпустили книгу о старых домах Москвы // The Village. 2016. 9 нояб. URL: <https://www.the-village.ru/weekend/books/249821-istorii-domov-moskvy>.
- Чернец 2016 — *Чернец Е.* От великороджавного к локальному: Интервью с Дмитрием Опариным // Fomlabs.ru. 2016. 23 дек. URL: <http://fomlabs.ru/material/Intervju-s-Dmitriem-Oparinym>.

Литература

- Абашин и др. 2005 — [Абашин С. и др.] Форум: Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. № 2. 2005. С. 8–134.
- Безрогов и др. 2001 — *Безрогов В. Г., Кошелева О. Е., Мещеркина Е. Ю., Нуркова В. В.* Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2001.
- Кандель 2011 — *Кандель Э.* В поисках памяти: возникновение новой науки о человеческой психике / Пер. с англ. П. Петрова. М.: Астрель; Corpus, 2011.
- Квале 2003 — *Квале С.* Исследовательское интервью / Пер. с англ. М. Р. Мироновой; Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003.
- Лоскутова 2003 — Хрестоматия по устной истории / Сост. М. В. Лоскутова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003.
- Нуркова 2000 — *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000.
- Портелли 2003 — *Портелли А.* Особенности устной истории / Пер. с англ. // Хрестоматия по устной истории / Сост. М. В. Лоскутова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 32–51.
- Рождественская 2012 — *Рождественская Е. Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Садмен и др. 2003 — *Садмен С., Бредберн Н., Шварц Н.* Как люди отвечают на вопросы: Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д. М. Рогозина, М. В. Рассохиной; Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

References

- [Abashin, S., et al.] (2005). Forum: Issledovatel' i ob"ekt issledovaniia [Forum: Researcher and research object]: *Antropologicheskii forum*, 2, 8–134. (In Russian).
- Bezrogov, V. G., Kosheleva, O. E., Meshcherkina, E. Iu., & Nurkova, V. V. (2001). *Pedagogicheskaiia antropologija: fenomen detstva v vospominaniakh: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Pedagogical anthropology: The phenomenon of childhood in recollections: Educational and methodological guide]. Izdatel'stvo Universiteta RAO. (In Russian).
- Kandel', E. (2011). *V poiskakh pamiati: vozniknovenie novoi nauki o chelovecheskoi psikhike* [Trans. from Kandel, E. R. (2007). *In search of memory: The emergence of a new science of mind*. W. W. Norton and Company Ltd.]. Astrel'; Corpus. (In Russian).
- Kvale, S. (2003). *Issledovatel'skoe interv'iu* [Trans. from Kvale, S. (1996). *InterViews: An introduction to qualitative research interviewing*. Sage]. Smysl. (In Russian).
- Loskutova, M. V. (Ed.) (2003). *Khrestomatiia po ustnoi istorii* [Anthology of oral history]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Nurkova, V. V. (2000). *Svershennoe prodolzaetsja: psikhologija avtobiograficheskoi pamiati lichnosti* [The accomplished continues: Psychology of autobiographical memory of the individual]. Izdatel'stvo Universiteta RAO. (In Russian).
- Portelli, A. (2003). Osobennosti ustnoi istorii. In M. V. Loskutova (Ed.). *Khrestomatiia po ustnoi istorii* [Trans. from Portelli, A. (1981). Peculiarities of oral history. *History Workshop*, 12(1), 96–107], 32–51. Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Rozhdestvenskaia, E. Iu. (2012). *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Sadmen, S., Bradburn, N., & Shwarts, N. (2003). *Kak liudi otvechajut na voprosy: Primenenie kognitivnogo analiza v massovykh obsledovaniakh* [Trans. from Sudman, S., Bradburn, N., & Schwarz, N. (1996). *Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology*. Jossey-Dass Publishers]. Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Павел Сергеевич Куприянов
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии
РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-00-19
✉ kuprianov-ps@yandex.ru

Information about the author

Pavel S. Kupriyanov
Cand. Sci. (History)
Senior Researcher,
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel.: +7 (495) 938-00-19
✉ *kuprianov-ps@yandex.ru*